

Реабилитация историко-архитектурного наследия: международный опыт¹

В статье представлены два кейса специалистов из Бразилии и Турции, занимающихся комплексной реабилитацией историко-архитектурного наследия в городах. С опорой на основополагающие документы ООН и работы специалистов разных стран доказана возможность понимания процессов деградации и реабилитации в архитектуре с аксиологических позиций, в связи с переосмыслением их конструктивных особенностей, функции в городской среде, исторической и иной ценности.

Ключевые слова: реабилитация историко-архитектурного наследия, деградация, руинирование, охрана историко-архитектурного объекта, рефункционализация, культурный ландшафт.

BYSTROVA T. Yu.

REHABILITATION OF HISTORICAL AND ARCHITECTURAL HERITAGE: INTERNATIONAL EXPERIENCE

The article presents two cases from Brazil and Turkey, which are connected with the complex rehabilitation of historical and architectural heritage in cities. Based on the fundamental UN documents and the work of experts from different countries, the possibility of understanding the processes of degradation and rehabilitation in architecture from an axiological point of view, in connection with the rethinking of their design features, functions in an urban environment, historical and other values, has been proved.

Keywords: rehabilitation of historical and architectural heritage, degradation, ruinization, protection of historical and architectural object, re-functionalization, cultural landscape.

**Быстрова
Татьяна
Юрьевна**

доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет, Российская Федерация. Главный научный сотрудник, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» УралНИИпроект, Российская Федерация
e-mail: taby27@yandex.ru

Введение

Ранее нами дано определение деградации историко-архитектурного объекта как утраты его функции и смысла для людей и территории, на которой находится этот объект, вызванной недооценкой специалистами и жителями его ценности и социально-экономического и культурного потенциала [3, 30]. Такое определение, на наш взгляд, соответствует масштабам внеинституциональных процессов сохранения и актуализации наследия, без которых подобная работа не вполне эффективна. Оно опирается на такие методологические подходы современной науки, как городские исследования (*urban studies*), исследования повседневности, брендинг территории, уходящих от традиционной ценностной «вертикали» при оценке архитектуры и трактующих город или территорию неотрывно от практик и сценариев поведения горожан (Дж. Джекобс). Этот способ отношения к наследию дополняет институциональный [12, 9], а не составляет ему альтернативы. Он актуален, поскольку позволяет более актив-

но вовлекать жителей и других стейкхолдеров в работу по реабилитации историко-архитектурного наследия, ибо возвращение смыслов, признание ценностей, рефункционализация невозможны только «по указке», но происходят при учете интересов современных горожан, во взаимодействии человека с объектом.

Тем самым признаем, что даже обыкновенным, никак не защищаемым зданием может быть старым, но не деградировавшим, если за ним есть надлежащий уход и оно включено в систему повседневных действий людей (Иллюстрация 1).

Сообразно сказанному, реабилитацией назовем нахождение и актуализацию новой функции (или нескольких функций) историко-архитектурного объекта с учетом его типологии [8], с одной стороны, и насущных потребностей места и его жителей, с другой, — при понимании возможности вовлечения жителей в проекты. Семь способов подобной партисипации описаны, к примеру, в [7], но они стремятся к универсальности и не берут во внимание особенности архитектурного процесса. Остановимся на апробированных технологиях, изложенных в двух зарубежных кейсах по реабилитации наследия в Бразилии и Турции на территориях, близких в социально-экономическом плане к российским регионам, включая Урал.

¹ Работа выполнена по плану ФНИ на 2019 г. при поддержке РААСН и Минстроя России в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг., Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Иллюстрация 1. Замок графов Фландрии. Гент, Бельгия. 1180 г. Ныне музей. Фото Т. Ю. Быстровой. 2019 г.

Иллюстрация 2. Жилой дом. Мризи, Албания. 2018 г. Арх.: архитектурное бюро plisatelier. Источник: <https://www.instagram.com/plisatelier/>

Руинирование в контексте реабилитации

Поскольку «деградация» и «реабилитация» объединяются общим качеством соучастия жителей процессу, их можно представить как категориальную пару. Реабилитации подлежит практически любое историческое здание хотя бы потому, что строить новое менее экологично [3].

В современных условиях важна не столько фиксация сохранности (точнее, отсутствия сохранности) объекта [5], сколько понимание его потенциала, в том числе в связи с процессами, происходящими на окружающей территории. Так, в диссертации П. Д. Буш об интеграции руинированных исторических объектов в новый пространственный контекст проведен детальный анализ ценности руин и видов историко-архитектурной и историко-культурной работы с ними. В частности, автор говорит об историко-научной, функциональной; историко-мемориальной; эстетической и художественной; материальной ценности руин [2].

П. Д. Буш упоминает о четырех основных способах работы с руинами, знание которых может пригодиться нам в дальнейшем при определении путей реабилитации деградировавших историко-архитектурных объектов: усиление руины (утрирование); сохранение существующего состояния (видимо, в случае, если эксперты сочтут это достаточным, поскольку речь идет о работе специалистов. — Т. Б.); музейное экспонирование на месте — «*in situ*»; «реинтеграция» образа руины [2, 17].

Положительный пример архитекторов бюро plisatelier из Албании по работе с частично руинированным зданием, не подвергающимся существенной конструктивной трансформации, приведен на Иллюстрации 2.

Деградирующими можно считать и относительно «молодые» объекты, например, модернистскую архитектуру стран Европы, к которым относятся с пренебрежением, частично из-за плохого отношения ко всему, что связано с советским периодом, частично из-за неудобств самой архитектуры (Иллюстрация 3). Пути их реабилитации ищут не одно десятилетие, и это достаточно сложная задача [1].

Отсюда, согласно нашей логике, руина в «существующем состоянии» (П. Д. Буш) представляет собой бесхозный деградировавший архитектурный объект, не попадающий под текущие действия по реабилитации,

Иллюстрация 3. Зброшенное модернистское здание в центре Ле Мана. Франция. 2017 г. Фото Т. Ю. Быстровой

но имеющий определенный эстетический и экономический потенциал в качестве элемента новых архитектурных объектов или пространств.

Деградация и охрана историко-архитектурного объекта

До каких пределов и какими средствами возможно препятствовать процессам деградации? Первой из идей, безусловно, является охрана историко-архитектурных объектов, притом не только тех, что имеют статус памятника. В истории архитектуры существовали две хорошо известные специалистам противоположные позиции в отношении охраны памятников архитектуры — Э. Виолле-ле-Дюка (1814–1879), с одной стороны, и Дж. Рескина (1819–1900) и У. Морриса (1834–1896), с другой. Сегодня они обозначаются специалистами как интервенционизм и антиинтервенционизм. Согласно Э. Виолле-ле-Дюку, сохранение и реставрация памятника архитектуры, при-

знанного таковым, предполагают его возвращение к почти идеальному исходному состоянию и поддержание в этом состоянии без смены функции. Дж. Рескин крайне отрицательно относится к реставрации, делая упор на процессуальности архитектуры. Такая, «динамическая», трактовка во многом близка к современным урбанистическим подходам, однако, разделяя ее в полной мере, почти невозможно прийти к квалификации какого-либо здания как деградирующего.

Австрийский историк искусства А. Ригль (1858–1905), введший понятие «памятник архитектуры», дифференцировал в нем «ценность памяти» и «современную ценность» [6]. Сопоставляя его подход с выведенным выше определением деградации, еще раз приходим к тому, что к ней приводит недооценка или утрата ценности памяти в совокупности с отсутствием современной ценности и/или знания путей ее обретения.

В Конвенции ООН об охране нематериального культурного наследия 2003 г. указано: ««Охрана» означает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия» [4]. Этот подход можно распространить сегодня и на архитектурные объекты.

В разработке ЮНЕСКО в качестве факторов деградации объектов наследия справедливо указываются чрезмерная рыночная эксплуатация объекта и массовый туризм (граничащий с вандализмом) [12, 7]. То и другое подразумевает равнодушное либо чрезмерно прагматичное отношение к архитектуре, забвение ее истинной ценности, не сводимой к совокупности чисто физических показателей [11, 12]. Ценными могут быть не только художественные элементы архитектуры, но ее аутентичность, связь с местной историей и т. п. Понять, что свое действительно ценно — не так-то просто [13], и для российских городов, особенно средних и малых, это составляет проблему, несмотря на достаточно длительную историю этих практик.

Ниже приведены два варианта технологий, требующих адекватной оценки в процессе актуализации объектов историко-архитектурно-

го наследия, которые представлены в научной литературе в виде кейсов.

Максимальный учет изменяющихся обстоятельств

С. Шиччи (S. Schicchi) в связи с культурным наследием малых и средних городов Бразилии говорит о том, что сегодня не нужно пересматривать принципы сохранения наследия в регионе или искать новые параметры его оценки. Гораздо логичнее продолжать то, что делалось на предыдущих этапах, но учитывать при этом характер и темпы внешних изменений [16, 42]: морфологии городов, развитие информационных технологий, территориальное расширение столицы и ее «экстерналий», развитие отдаленных мест работы и проживания. Необходимо понять «влияние нового экономического режима на ценности, приписываемые местному наследию» [16, 42].

Если до настоящего времени критерии оценки и инструменты сохранения в значительной мере основывались на понимании наследия как: 1) чего-то связанного с отдельными зданиями либо группами зданий; 2) основы получения статуса исторического города, то сегодня наследие напрямую связывается с общими проблемами развития города, формированием городских территорий. Важно сочетать задачи идентификации наследия, оценки состояния объекта, управления городом. При этом необходимо учитывать, что опыт крупных городов может не подходить малым и средним городам, документы и методология нуждаются в корректировке с учетом местной специфики.

Кейс о состоянии наследия города Кампинас, население которого быстро росло в последней трети XX в., в том числе из-за притока мигрантов из соседних регионов в регион Кампинас, представляющий собой историческое ядро производства кофе. Процессы урбанизации, формирование полицентричной агломерации привлекли инвестиции, но они же привели к удорожанию земли, истощению природных ресурсов, а главное — поставили под угрозу существующее историко-архитектурное наследие [16, 43]. «Новый прагматизм», как обозначает это автор, не предполагал работу с ним, тем более, что некоторые постройки, например, станции построенной в 1899 г. железнодорожной ветки, лишены какой-либо стиливой или эстетической ценности (Иллюстрация 4).

Далее С. Шиччи говорит об опыте создания учебных площадок

для разработки нового подхода к сохранению наследия в двух городах с населением примерно по 100 тыс. человек — Валиньос и Паулиния. Разрушение традиционного уклада, формирование новых закрытых сообществ, изменения в образе жизни и даже характере потребления обозначаются автором как важные факторы деградации наследия, в частности, общественных пространств городов.

В ходе полевого исследования была доказана недостаточность существовавшего деления наследия на 4 категории — отдельные сооружения, архитектурные ансамбли, общественные пространства, имеющие ценность и типичные для региона ландшафтные «единицы». На этапе работы с архивными материалами ученые, рассмотрев историю создания транспортных путей, предприятий, основных маршрутов, расположение заводов, выявили «рассеянные культурные источники», для которых были определены общие стратегические действия. Например, в Валиньосе это: преобразование нескольких загородных клубов в частные участки, восстановление старых туристических маршрутов, создание гончарных мастерских. Ценностный ландшафт региона переосмыслился, территории новых консолидированных районов задокументированы. При этом не отвергались здания или традиции локального, а не общенационального масштаба. Гулянье в Валиньосе, которое сначала проводилось в старом центре города, сегодня постепенно перенесено в престижный жилой район и различные общественные пространства. Иначе говоря, актуализация архитектурного наследия не обязательно связана с его интенсивной эксплуатацией, иногда, напротив, необходимо перераспределение существующей нагрузки.

Остальные города проекта, о котором рассказывает С. Шиччи, выбирались с учетом их внутренних связей друг с другом и прорабатывались как целое. Этот опыт значим и для системы расселения Урала, чьи связи зафиксированы нами ранее. Примечательно, что авторы исследования сочли сами пути и маршруты частью наследия.

Особое место занимает территория Эстер Милл в штате Сан-Паулу, быстро развивавшаяся в ходе индустриализации в начале XX в., прежде всего, благодаря фабрикантам Ногейра. Специалисты сочли, что Эстер Милл можно считать «модернизирующим проектом семейно-

Иллюстрация 4. Станция Varão Geraldo, сторона платформы. Кампинас, Бразилия. Постройка 1926 г. Фото Р. М. Гисбрехт. 2001 г. Источник: <http://www.estacoesferrovias.com.br/b/brgeraldo.htm>

го характера, который (показывает) влияние частного предпринимательства на динамику экономики и городов штата Сан-Паулу» [16, 45]. По территории проходит железная дорога Funilense, облегчающая, по мнению исследователей, прочтение территории, связывающая различные культурные ориентиры региона — станции, деревни, мельницы, промышленные предприятия, места отдыха и т. д. На конечной остановке, Estação do Mercado, несколько десятилетий действовал местный рынок. Многие окрестные деревни создавались эмигрантами из различных стран Европы на рубеже XIX и XX вв. (характерно, к примеру, название района Космополис, созданного в 1906 г.). Более ранние — поселенцами, бывшими рабами, потомками коренного населения. При этом сама территория сначала была сельскохозяйственной и постепенно урбанизовалась.

Кейс показывает, что работа велась не только со зданиями, но с историей. С. Шиччи приводит биографические данные создателей железной дороги, показывает, какие действия в отношении тех или иных объектов производились в более ранние периоды, приводит многочисленные фотоматериалы. Представляется, что формирование концепции сохранения наследия до некоторой степени облегчает однородность выбранного исследователями периода урбанизации и индустриализации, с которым совпало строительство железной дороги и развитие региона. Если проецировать такой проект на какой-либо участок Свердловской железной дороги, его история, частично совпадающая с бурной и противоречивой историей России XX в., будет гораздо менее «удобной» для сжатия в короткую формулу.

С. Шиччи начинает представление новой методологии с краткой характеристики агломерационных процессов в регионе, не связывая ее исключительно с глобализацией и показывая множественность факторов, от семейных связей до туристических практик. Она трактует территорию в духе культурно-географического подхода, не только в связи с физическими размерами, но как «артикуляцию взаимоотношений между пространствами, политиками и идентичностями» [16, 51]. Выделение культурных ориентиров может предшествовать выделению культурных ландшафтов, которые рассматриваются нами далее. Когда люди произносят что-то о культурных ориентирах, они подразумевают ландшафт, где ориентиры находятся. Скрытые отсылки к конструкции, привычкам пользователей, функции этого ориентира могут мыслиться схожим образом людьми на этой территории, что усиливает их идентичность. Узнать содержание этих референций можно только эмпирическим путем, тогда как решения о консервации, принимаемые институционально, не соответствуют местным ценностям.

Иллюстрация 5. Восстановленные на основе подхода, заявленного как «культурологический», жилые дома в г. Нигде, Турция [13]

Мы согласны с позицией С. Шиччи о том, что ценность наследия не определяется его репрезентативностью, «ценность вытекает из его роли в закреплении коллективной памяти в отношении к месту» в его конкретной данности и существовании [16, 51]. Как ни парадоксально, это могут быть и исчезнувшие объекты, тем не менее, представляющие собой единственный связующий элемент. Отсюда напрямую вытекает предложение организации «зон наследия» и «районов сохранения городов», которые фиксируются в планах развития города.

Работа архитектора с культурным ландшафтом

Концепт культурного ландшафта введен Советом Европы в 1995 г. в документе «О комплексном сохранении территорий культурного ландшафта как части ландшафтной политики», а значит, он имеет определенный правовой потенциал. Согласно ему, наследие, экономика, окружающая среда города, социальные и культурные факторы не должны вступать в конфликт [15]. Исторический городской ландшафт — это городской район, понимаемый как результат исторического наложения культурных и природных ценностей и атрибутов, выходящий за рамки понятия «исторический центр» или «ансамбль», включающий более широкий городской контекст и его географическое положение [12]. В России понятие «культурного ландшафта» закрепили за собой специалисты по экономической географии, однако оно продуктивно и для тех, кто занят реабилитацией историко-архитектурного наследия.

Продуктивный вариант работы на основе концепции «культурного ландшафта» предлагают ученые из Турции, изучающие город Нигде (Niğde) в его «исторической фактуре» на основе междисциплинарного подхода. Они исследуют причины недооценки исторического наследия города, чья история восходит к эпохе ранних цивилизаций, исторические слои и пространственное распределение городской структуры за прошедшие со дня основания города века («как люди и окружающая среда влияют друг на друга»). На основе этих данных они разрабатывают план охраны и восстановления, т. е. идут от видения целого к пониманию работы с частями. Реставрационные работы идут в отдельных зданиях Нигде, но, по мнению авторов, этой фрагментарной работы недостаточно, поскольку она не учитывает уникальность культурного ландшафта в целом. Подход верен в своей методологии. Симптоматично, однако, что ни один проект не ведется; авторы пока только дают предложения по подобному подходу и ведут мониторинг проводимых работ [13] (Иллюстрация 5).

Решающее значение в формировании культурного ландшафта играют архитектурные исторические объекты,

Иллюстрации 6, 7. Мельница Симанова-Макаровых. 1884 г. Екатеринбург. Исходное и последующее состояние.
Источник: поисковая система Yandex

в том числе индустриальные (в такой связке примеры из Латвии применительно к индустриальному наследию можно увидеть в [17]). Подобная деятельность влечет за собой уход от чисто модернизационной доктрины, зачастую забывающей или отвергающей прошлое. Она предполагает нацеленность на реконструкцию истории места в целом, раскрытие потенциала либо переоценку того, что уже есть на территории, в том числе ее историко-культурное наследие. Недооценка наследия и насильственная модернизация чреваты ухудшением социальных характеристик города, ростом криминогенности и неблагополучия, — предостерегает М. Осорио, пишущая о постколониальных городах Латинской Америки [14, 2]. Напротив, «материальное и нематериальное наследие является источником социальной сплоченности...» [12, 2].

В этом отношении, к примеру, проект, реализуемый сегодня на территории мельницы Симанова-Макаровых в Екатеринбурге, не соответствует критериям реабилитации, поскольку здания, инженерные коммуникации, часть почвы просто сняты, разрушены и вывезены, а часть здания удалена (Иллюстрации 6, 7). Вместо работы с целым получается механическое отсечение того, что авторы современного проекта сочли «ненужным», т. е. бессмысленным. Именно против этого предостерегают авторы «Гиды по структурной реабилитации», признавая оценку структурных характеристик исторического объекта сложной задачей, в которой, к примеру, укрепление конструкций может вступать в противоречие с культурной ценностью здания [9, 7].

Заключение

Важнейшими критериями процессов деградации и реабилитации в архитектуре выступают именно функционально-смысловые и ценностные параметры историко-архитектурных объектов. Это дополняет более широко распространенный институциональный подход, ориентирующийся на собственно архитектурные достоинства объектов. Реабилитация разрешает рефункционализацию здания, но предельно внимательна к сохранению конструктивных и эстетических особенностей.

Реабилитация эффективна и грамотна, когда проводится комплексно, с учетом исторических реалий и контекста, «духа места» и новых потребностей горожан. Для России актуально предложение организации «зон наследия» и «районов сохранения городов», которые фиксируются в планах развития города (С. Шичи).

Недооценка наследия и насильственная модернизация чреват не только разрушением исторических зданий, но и ухудшением социальных характеристик города.

Список использованной литературы

- 1 Балухина Н. В., Долгов А. В., Губайдулина А. Р. Три кейса: французский опыт восстановления модернистских жилых кварталов // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2019. — № 3. — С. 41–47.
- 2 Буш П. Д. Интеграция руинированных исторических объектов в современный архитектурный контекст: науч. доклад. — М.: МАРХИ, 2017. — 23 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://marhi.ru/aspirantura/2017/Bush_PD_nauch_doklad_rastr.pdf (дата обращения: 30.06.2019).
- 3 Быстрова Т. Ю. Деградация и реабилитация историко-архитектурного наследия: функционально-типологический подход // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2019. — № 3. — С. 26–31.
- 4 Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 01.07.2019).
- 5 Крогиус М. Э., Чистяков А. Н. Типология разрушений памятников культуры. — СПб.: Изд-во «СПбКО», 2014. — 153 с.
- 6 Ригль А. Современный культ памятников: его сущность и возникновение / Пер. с нем. Г. Гимельштейна. — М.: ЦЭМ, V-A-G press, 2018. — 95 с.
- 7 ШUTOVA A. C., Быстрова Т. Ю. Реализация партисипационной концепции в городской среде средствами графического дизайна // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы: материалы междунар. науч.-метод. семинара, 18 марта 2015 г. — Екатеринбург: УрФУ, 2015. — С. 230–236.
- 8 Amine A. C. R. et al. Evolutionary Processes, Morphology and Typology of Historical Architecture as a Line of Research; a Tool for Conservation // Proceedings REAL CORP 2011. Tagungsband 18–20 May 2011, Essen. — P. 285–292.
- 9 Guide for the Structural Rehabilitation of Heritage Buildings. Prepared by CIB Commission W023 — Wall Structures. Editing Panel. — Lisbon: CIB Publication, 2010. — 48 p.
- 10 Heritage Architecture Studies / Ed. V. Echarri, C. A. Brebbia. — Southampton, Boston: WIT Press, 2018. — 386 p.
- 11 Milne L. The Significance of Aesthetic and Heritage Values in a Public Policy Environment: Victoria Theatre

- Case Study. A thesis submitted to Auckland University of Technology in fulfilment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (MPhil), 2011. — 147 p.
- 12 New life for historic cities: The historic urban landscape approach explained. — Paris: UNESCO, 2013. — 24 p.
 - 13 Öcal T., Altuner H. The Importance of Historical and Cultural Heritage of Niğde in Terms of Cultural Geography // *Current Urban Studies*. — 2014. — Vol. 2. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: http://file.scirp.org/Html/8-1150027_44417.htm (дата обращения: 30.06.2019).
 - 14 Osorio M.P. The Permanence of Built Environment. Authenticity and Reconstruction: the keys // *ICOMOS University Forum*, 1. — P. 1–17.
 - 15 Placheter H., Rossler M. Cultural Landscapes: reconnecting Culture and Nature, Cultural Landscape of universal Value. Components of a Global Strategy. — Jena; Stuttgart; New York: Gustav Fischer Verlag, 1995. — 460 p.
 - 16 Schicchi S.M. C. da. The Cultural Heritage of Small and Medium-Size Cities: A New Approach to Metropolis Transformation in Sao Paulo, Brazil // *Traditional Dwellings and Settlements Review*. — 2015. — Vol. 17. — № 1. — P. 40–54.
 - 17 Zigmunde D., Katlapa A. Industrial Heritage Landscape of the Lielupe River in Latvia // *Scientific Journal of Latvia University of Agriculture*. — 2010. — Vol. 10. — № 10. — P. 81–88.
 - 9 Guide for the Structural Rehabilitation of Heritage Buildings. Prepared by CIB Commission W023 — Wall Structures. Editing Panel. — Lisbon: CIB Publication, 2010. — 48 p.
 - 10 Heritage Architecture Studies / Ed. V. Echarri, C.A. Brebbia. — Southampton, Boston: WIT Press, 2018. — 386 p.
 - 11 Milne L. The Significance of Aesthetic and Heritage Values in a Public Policy Environment: Victoria Theatre Case Study. A thesis submitted to Auckland University of Technology in fulfilment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (MPhil), 2011. — 147 p.
 - 12 New life for historic cities: The historic urban landscape approach explained. — Paris: UNESCO, 2013. — 24 p.
 - 13 Öcal T., Altuner H. The Importance of Historical and Cultural Heritage of Niğde in Terms of Cultural Geography // *Current Urban Studies*. — 2014. — Vol. 2. — № 1 [Elektronnyj resurs]. — URL: http://file.scirp.org/Html/8-1150027_44417.htm (data obrashcheniya: 30.06.2019).
 - 14 Osorio M.P. The Permanence of Built Environment. Authenticity and Reconstruction: the keys // *ICOMOS University Forum*, 1. — P. 1–17.
 - 15 Placheter H., Rossler M. Cultural Landscapes: reconnecting Culture and Nature, Cultural Landscape of universal Value. Components of a Global Strategy. — Jena; Stuttgart; New York: Gustav Fischer Verlag, 1995. — 460 p.
 - 16 Schicchi S.M. C. da. The Cultural Heritage of Small and Medium-Size Cities: A New Approach to Metropolis Transformation in Sao Paulo, Brazil // *Traditional Dwellings and Settlements Review*. — 2015. — Vol. 17. — № 1. — P. 40–54.
 - 17 Zigmunde D., Katlapa A. Industrial Heritage Landscape of the Lielupe River in Latvia // *Scientific Journal of Latvia University of Agriculture*. — 2010. — Vol. 10. — № 10. — P. 81–88.

References

- 1 Baluhina N. V., Dolgov A. V., Gubajdulina A. R. Tri kejsa: francuzskij opyt vosstanovleniya modernistskikh zhilykh kvartalov // *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN*. — 2019. — № 3. — S. 41–47.
- 2 Bush P. D. Integraciya ruinirovannyh istoricheskikh ob'ektov v sovremennyj arhitekturnyj kontekst: nauch. doklad. — M.: MARHI, 2017. — 23 s. [Elektronnyj resurs]. — URL: https://marhi.ru/aspirantura/2017/Bush_PD_nauch_doklad_rastr.pdf (data obrashcheniya: 30.06.2019).
- 3 Bystrova T. Yu. Degradaciya i reabilitaciya istoriko-arhitekturnogo naslediya: funkcionno-tipologicheskij podhod // *Akademicheskij vestnik UralNIIProekt RAASN*. — 2019. — № 3. — S. 26–31.
- 4 Konvenciya ob ohrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya. Prinyata 17 oktyabrya 2003 g. General'noj konferenciej Organizacii Ob»edinennyh Nacij po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (data obrashcheniya: 01.07.2019).
- 5 Krogius M. E., Chistyakov A. N. Tipologiya razrushenij pamyatnikov kul'tury. — SPb.: Izd-vo «SPbKO», 2014. — 153 s.
- 6 Rigl' A. Sovremennyj kul't pamyatnikov: ego sushchnost' i vozniknovenie / Per. s nem. G. Gimel'shtejna. — M.: CEM, V-A-G press, 2018. — 95 s.
- 7 Shutova A. S., Bystrova T. Yu. Realizaciya partisipacionnoj koncepcii v gorodskoj srede sredstvami graficheskogo dizajna // *Sovershenstvovanie gumanitarnyh tekhnologij v obrazovatel'nom prostranstve vuza: faktory, problemy, perspektivy: materialy mezhdunar. nauch.-metod. seminarov*, 18 marta 2015 g. — Ekaterinburg: UrFU, 2015. — S. 230–236.
- 8 Amine A. C. R. et al. Evolutionary Processes, Morphology and Typology of Historical Architecture as a Line of Research; a Tool for Conservation // *Proceedings REAL CORP 2011. Tagungsband 18–20 May 2011, Essen*. — P. 285–292.
- 9 Guide for the Structural Rehabilitation of Heritage Buildings. Prepared by CIB Commission W023 — Wall Structures. Editing Panel. — Lisbon: CIB Publication, 2010. — 48 p.
- 10 Heritage Architecture Studies / Ed. V. Echarri, C.A. Brebbia. — Southampton, Boston: WIT Press, 2018. — 386 p.
- 11 Milne L. The Significance of Aesthetic and Heritage Values in a Public Policy Environment: Victoria Theatre Case Study. A thesis submitted to Auckland University of Technology in fulfilment of the requirements for the degree of Master of Philosophy (MPhil), 2011. — 147 p.
- 12 New life for historic cities: The historic urban landscape approach explained. — Paris: UNESCO, 2013. — 24 p.
- 13 Öcal T., Altuner H. The Importance of Historical and Cultural Heritage of Niğde in Terms of Cultural Geography // *Current Urban Studies*. — 2014. — Vol. 2. — № 1 [Elektronnyj resurs]. — URL: http://file.scirp.org/Html/8-1150027_44417.htm (data obrashcheniya: 30.06.2019).
- 14 Osorio M.P. The Permanence of Built Environment. Authenticity and Reconstruction: the keys // *ICOMOS University Forum*, 1. — P. 1–17.
- 15 Placheter H., Rossler M. Cultural Landscapes: reconnecting Culture and Nature, Cultural Landscape of universal Value. Components of a Global Strategy. — Jena; Stuttgart; New York: Gustav Fischer Verlag, 1995. — 460 p.
- 16 Schicchi S.M. C. da. The Cultural Heritage of Small and Medium-Size Cities: A New Approach to Metropolis Transformation in Sao Paulo, Brazil // *Traditional Dwellings and Settlements Review*. — 2015. — Vol. 17. — № 1. — P. 40–54.
- 17 Zigmunde D., Katlapa A. Industrial Heritage Landscape of the Lielupe River in Latvia // *Scientific Journal of Latvia University of Agriculture*. — 2010. — Vol. 10. — № 10. — P. 81–88.

Tatiana Bystrova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Ural Federal University, Chief scientific officer «TsNIIP Minstroy Russia», Russian Federation
e-mail: taby27@yandex.ru

Статья поступила в редакцию в сентябре 2019 г.
Опубликована в декабре 2019 г.